

К ИСТОРИИ ПОЕЗДКИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО К ГЕРЦЕНУ В ЛОНДОН

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ А. Н. ПЫПИНА

Публикация Б. П. Козьмина*

Публикуемые ниже в извлечениях письма А. Н. Пыпина содержат некоторые данные, касающиеся поездки Чернышевского в 1859 г. в Лондон для свидания с Герценом. Эти данные, с одной стороны, уточняют ряд деталей поездки, а с другой, — подтверждают то, что было известно относительно нее из других источников. Письма Пыпина, безусловно, представляют существенный интерес, хотя бы по одному тому, что событие, к которому они относятся, знаменовало чрезвычайно важный момент в истории отношений между издателями «Колокола» и редакторами «Современника», а тем самым и между революционерами из дворянской среды и революционно настроенной разночинной интеллигенцией.

Напомним вкратце обстоятельства, которые вызвали поездку Чернышевского в Лондон.

В 1859 г. Герцен напечатал в «Колоколе» статью «Very dangerous!!!», содержавшую в себе чрезвычайно резкие нападки на редакцию некрасовского «Современника». Не называя журнала, но весьма прозрачно намекая на него, Герцен бросал его сотрудникам упреки в том, что они, отзываясь резко отрицательно о так называемой «обличительной литературе» и беспощадно критикуя дворянскую интеллигенцию («лишних людей»), дезорганизуют общественное мнение, играют на руку правительству и даже чуть ли не действуют по его наущению. При той исключительной популярности, какой во второй половине пятидесятых годов пользовался «Колокол», появление на его страницах статьи Герцена могло крайне неблагоприятно отразиться на будущем «Современника». Естественно поэтому, что статья Герцена, по словам одного из ближайших сотрудников «Современника» М. А. Антоновича, поразила руководителей этого журнала и «взволновала их, как неожиданный и непредвиденный сюрприз» («Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания». М.—Л., 1933, стр. 79). Было решено, что Чернышевский отправится в Лондон и в разговоре с Герценом будет добиваться, чтобы тот как-нибудь сгладил впечатление, произведенное его статьей. По просьбе товарищей по редакции Чернышевский согласился на эту поездку, хотя и сомневался в ее успехе.

Чернышевский пробыл в Лондоне пять дней и имел несколько свиданий с Герценом. О своих встречах с издателем «Колокола» он говорил впоследствии крайне неохотно. Поэтому нам известно о них очень мало. Наибольший интерес имеет свидетельство товарища Чернышевского по каторге — С. Г. Стахевича, по словам которого, основанном на рассказах самого Чернышевского, сущность его объяснений с Герценом сводилась к следующему:

* Письма А. Н. Пыпина сообщены редакции «Литературного наследия» Н. Г. Розенблюмом.

«Я нападаю на Герцена за чисто обличительный характер „Колокола“. Если бы, говорю ему, наше правительство было бы чуточку поумнее, оно благодарило бы вас за ваши обличения; эти обличения дают ему возможность держать своих агентов в узде в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственный строй неприкосновенным, а суть-то дела именно в строе, а не в агентах. Вам следовало бы выставить определенную политическую программу, скажем — конституционную, или республиканскую, или социалистическую, и затем всякое обличение являлось бы подтверждением основных требований вашей программы» (С. Г. Стахович. Среди политических преступников.— Сб. «Н. Г. Чернышевский». М., 1928, стр. 103).

Непосредственным результатом свидания Чернышевского с Герценом и их переговоров было появление в «Колоколе» заметки, в которой Герцен заверял, что он в своей прежней статье отнюдь не имел в виду делать какой-либо «оскорбительный намек» по адресу кого бы то ни было.

Свое впечатление от свидания с Герценом Чернышевский, еще будучи в Лондоне, выразил в письме к Добролюбову.

Ввиду того, что письмо это было направлено к адресату через Пыпина (позже нам станет ясно, почему для пересылки письма потребовалось его посредничество), Чернышевский, зная, что Пыпин является поклонником Герцена, и не желая огорчать его своим отрицательным отзывом о последнем, старался в своем письме по возможности смягчить отзыв о Герцене.

«Разумеется,— писал он, — я ездил не понапрасну, но если б знал, что это дело так скучно, не взялся бы за него <...> Боже мой, по делу надобно вести какие разговоры! Не хочу писать, чтобы не огорчить Пыпина, через руки которого пойдет это письмо, но если хотите вперед узнать мое впечатление, попросите Николая Алексеевича <Некрасова>, чтобы он откровенно высказал свое мнение о моих теперешних собеседниках, и поверьте тому, что он скажет; он ошибется разве в одном: скажет все-таки что-нибудь лучшее, нежели сказал бы я об этом предмете. Кавелин в квадрате — вот вам и всё» (XIV, 379).

При таких условиях, может быть, наиболее существенным результатом поездки Чернышевского в Лондон было то, что из разговоров с ним Герцен полностью убедился, насколько не соответствовало действительности выраженное им в «Very dangerous!!!» предположение относительно возможности подкупа «Современника» правительством.

Что же нового дают публикуемые нами письма Пыпина для истории поездки Чернышевского в Лондон? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов об авторе и адресатах писем.

В 1858 г. Пыпин в числе других молодых ученых был командирован за границу для «усовершенствования в науках». Значительную часть своей командировки Пыпин провел в Париже, где он жил в 1858 и 1859 гг. За время пребывания там он дважды совершил поездки в Лондон: в 1858 г. и в мае 1859 г. для того, чтобы посетить Герцена. Герцен и Пыпин понравились друг другу. Свое пребывание в Лондоне и свидания с издателем «Колокола» Пыпин впоследствии описал в воспоминаниях (А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1911, стр. 118—124).

Публикуемые нами письма адресованы: одно — известному слависту Владимиру Ивановичу Ламанскому (1833—1914), профессору Петербургского университета, позднее академику, с которым Пыпин познакомился в Петербурге, а три — Борису Исааковичу Утину (1832—1872), юристу, в 1858 г. находившемуся в научной командировке за границей. Утин выехал из России вместе с Пыпиным, вместе же они посетили Лондон и побывали у Герцена. Далее их пути разошлись: в то время как Пыпин уехал в Париж, Утин, имевший своей задачей изучение государственного устройства Англии, остался в Лондоне, поддерживая с Пыпиным более или менее регулярную переписку.

Письмо Пыпина Ламанскому интересно в том отношении, что знакомит нас с предосторожностями, принятыми Чернышевским в целях сохранения в тайне своего посещения Лондона. О действительной задаче, стоявшей перед Чернышевским во время его поездки, знали только очень немногие, близкие к «Современнику» люди. Перед

отъездом из Петербурга Чернышевский распустил слух, что находящийся в Париже Пыпин, приходившийся ему двоюродным братом, неожиданно заболел и что он, Чернышевский, отправляется на несколько дней в Париж, чтобы навестить больного. Ламанскому же, с которым он встретился накануне своего отъезда из Петербурга, он ни о заболевании Пыпина, ни о своей поездке ничего не сказал. Когда до Ламанского дошли слухи о болезни Пыпина и об отъезде Чернышевского в Париж, он обиделся на последнего за его скрытность и поспешил высказать свои претензии в письме к Пыпину.

Публикуемое письмо Пыпина является ответом на письмо Ламанского. Таким образом только благодаря недоразумению с Ламанским нам становится известной предосторожность, принятая Чернышевским.

приходъ 792 судна, а въ отходъ 314 судовъ.

— Въ числѣ прочихъ пассажировъ на пароходѣ «Нева», 17-го іюня, отправились въ Любекъ: ген.-майоръ Ахматовъ; дѣйст. стат. сов. Заблоцкій-Десятовскій; камер-юнкеръ князь Енгальчевъ съ супругою; кол. сов. Сухонинъ; надв. сов. Деге; состоящій при французскомъ посольствѣ въ Санктпетербургѣ — графъ Монтебелло; тит. сов. Чернышевскій.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ОТЪЕЗДЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО ЗА ГРАНИЦУ

«С.-Петербургскіе ведомости» от 20 іюня 1859 г., отдел «Судоходство»

Письма Пыпина к Утину интересны, главным образом, тем, что они лишний раз подтверждают недовольство руководителей «Современника» результатами своих переговоров с Герценом. В этом отношении очень существенно упоминание (в письме от 27 июля 1859 г.) о письме Чернышевского к Пыпину из Штетина, в котором он сообщал о переговорах с Герценом «в весьма разочарованном духе». Нельзя пожалеть, что это письмо Чернышевского до нас не дошло: по-видимому, оно было из осторожности уничтожено Пыпиным.

Может быть, при этом письме — а вернее ранее, непосредственно из Лондона, — Чернышевский переслал Пыпину в Париж для отправки в Петербург свое цитированное выше письмо к Добролюбову. Сделал он это для того, чтобы, в случае перлюстрации письма на русской почте, правительство не могло бы установить, что его автор посетил Лондон. Чернышевский правильно рассчитал, что если правительство узнает об этом, ему нетрудно будет догадаться о цели поездки туда Чернышевского: накумешная статья Герцена «Very dangerous!!!» была еще у всех на памяти.

* * *

Письма к Б. И. Утину печатаются по автографам ИРЛИ (ф. 360, № 52); письмо к В. И. Ламанскому — по автографу Архива АН СССР в Ленинграде (ф. 35, оп. 1, № 1187, л. 21).

1

А. Н. ПЫПИН — Б. И. УТИНУ

Париж. < 23 іюня > 5 іюля 1859 г.

Не знаю, получили ли вы мое письмо, милый Борис Исаакович, и опять пишу к вам по двум обстоятельствам, деловым, если не считать еще третьего, состоящего просто в моем желании беседовать лишний раз с суровым, но, тем не менее, остроумным другом. Дело в том, что в Лондоне

в эти дни вы можете найти Чернышевского — в Hôtel de l'Europe, Leicester square. Вам, может быть, не скучно будет повидаться с ним; я же попрошу вас сделать ему какие-нибудь указания, которые ему могут понадобиться: в путешествии он человек новый. Этим вы и меня обяжете.

Второе. Пересылаю вам письмо Гнейста¹, которое почтенный профессор просил Спасовича², находящегося теперь здесь, передать вам. Так как он в Лондон не едет и рискует вовсе не увидеть вас, то он просил меня передать вам это письмо.

До свидания. Жду ваших писем и ваших новых рассказов о Лондоне, которые не перестанут, конечно, сильно интересоваться меня. Будьте здоровы.

Весь ваш Алекс. Пыпин

Р. С. Чернышевский будет в Лондоне очень короткое время, и это, может быть, помешает ему раньше быть у вас. Зайдите к нему по вашей обыкновенной доброте. Ему очень приятно и интересно ваше знакомство.

Вашего брата я вижу довольно часто³. Он благоденствует, здоров и весел, занимается политикой и часто не бывает дома, а где — не знаю. Кажется, становится фланером.

¹ Рудольф Гнейст (1816—1895) — известный немецкий юрист, профессор Берлинского университета, специалист по государственному устройству Англии, работы которого специально изучал Утин.

² Владимир Данилович Спасович (1829—1906) — юрист, профессор Петербургского университета, в 1861 г. в связи со студенческими волнениями и закрытием университета демонстративно вышедший в отставку одновременно с Пыпиным, Утиным, К. Д. Кавелиным и М. М. Стасюлевичем. Позже адвокат и либеральный публицист, сотрудник «Вестника Европы».

³ У Б. И. Утина было три брата — Яков, Николай и Евгений. Определить точно, о ком именно из них идет речь, трудно, вернее всего о Якове, так как другие два брата в это время были еще очень молоды.

2

А. Н. ПЫПИН — Б. И. УТИНУ

Париж. <6> 18 июля 1859 г.

На днях я получил письмо ваше, милый Борис Исаакович, и так как вы интересовались его доставлением, я хотел было тотчас же вам написать, но, по обыкновению, заленился. Впрочем, письмо пришло самым благополучным образом, и об нем нечего беспокоиться.

Куда вы думаете ехать из Лондона и как вообще располагаете своим путешествием? Не встретимся ли мы еще с вами? Как вам показался Чернышевский? Да, кстати, напишите мне, если знаете, до каких результатов он дошел в толках с нашими знакомыми. Это меня в высшей степени интересует. Он писал мне из Штетина, но писал только о своих личных впечатлениях, которых я более или менее ожидал и угадывал; меня интересует другая сторона. Он устроил истинно необыкновенное путешествие...

3

А. Н. ПЫПИН — Б. И. УТИНУ

Париж. <15> 27 июля <1859 г.>

...Ваши известия о Чернышевском, к моему сожалению, подтверждаются тем, что я узнал еще от Стасова¹. Сам он писал мне из Штетина в весьма разочарованном духе. Очень жаль, если дело с знакомыми кончилось неопределенно и осталось между ними недоразумение, потому что, наконец, и те и другие — люди порядочные, и притом знакомые-то не

«НА КАТОРГУ»

Картина маслом польского художника А. Сохачевского, 1863—1882 гг.

Исторический музей, Варшава

«ЗАКОВЫВАНИЕ В КАНДАЛЫ»

Картина маслом польского художника А. Сохачевского, 1863—1882 гг.

В каторжанине, которого заковывают в кандалы, художник изобразил себя самого

Исторический музей, Варшава

совсем правы. Чернышевский имеет свойство не тотчас сходиться с людьми мало знакомыми. Он уже не в первый раз производит очень ложное впечатление на людей, с которыми встречается ненадолго. Не стоило хлопотать из такого результата. Может быть, будет что-нибудь дальше <...>

Через два дня.

Я искал, искал в эти дни Спасовича² или Стасова, чтобы узнать от них что-нибудь о Кавелине, но не мог их найти и потому могу теперь прибавить только совет вам — списаться с лондонскими знакомыми и спросить когда Кавелин будет в Лондоне³. Я слышал только, что К. Д. останется там только около недели.

¹ Дмитрий Васильевич Стасов (1828—1900) — в это время чиновник Сената, позднее известный адвокат. Чернышевский во время пребывания в Лондоне виделся с ним у Герцена (см. XIV, 379, а также «Сборник Пушкинского дома на 1923 год». Пг., 1922, стр. 280).

² Спасович в июле 1859 г. был в Лондоне. Сохранилось его неопубликованное письмо к К. Д. Кавелину из Парижа от 16 июля 1859 г., в котором он между прочим писал: «Чернышевского нет уже в Париже» (ИРЛИ, 20688/СХЛІ, б. 10, письмо 2-е).

³ К. Д. Кавелин, как это видно из письма Герцена к М. К. Рейхель от 4 августа 1859 г., приезжал в Лондон в конце июля (Герцен, т. X, стр. 62).

4

А. Н. ПЫПИН — В. И. ЛАМАНСКОМУ

Париж. <17> 29 июля 1859 г.

Не знаю, объяснилась ли для вас теперь история моей болезни и поездки Чернышевского, мой дорогой Владимир Иванович. Если нет, я считаю нужным сказать об этом несколько слов собственно только для вас и ни для кого другого.

Моя болезнь — только предлог, которым воспользовался Чернышевский для того, чтобы объяснить свой скорый отъезд и скорое возвращение, не похожие на обыкновенные путешествия. Я видел его здесь только два дня; настоящая цель его путешествия была Лондон, где он имел делать свои дела, о которых вы, может быть, уже знаете или догадываетесь.

Мне говорил Чернышевский, что он виделся с вами именно накануне своего отъезда; вы видите теперь, почему он вам не говорил о моей опасной болезни — ее не было — он не рассчитал только одного, что вы можете услышать то, о чем он говорил другим. Конечно, он сделал неловкость, но как было ее избежать, да он и не привык к подобным вещам и оттого попадает в неловкость. Не сердитесь на него, если еще не перестали сердиться; прошу вас об этом...